

Между дисгармонией и гармонией:
проблемы средней культуры

УДК 008+7.0
ББК 71.04+87.8
М43

Научный редактор — доктор филологических наук,
профессор Ю.Г. Нигматуллина

М43 **Между дисгармонией и гармонией:** проблемы «среди-
ной культуры». Сборник статей. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ,
2013. — 112 с.
ISBN 978-5-9690-0215-9

В книге рассматриваются функции и роль центральной зоны в системе культуры (так называемой «срединой культуры») в обеспечении стабильности и целостности духовной жизни общества. Тема исследуется на материале литературы, театра, музыки, изобразительного искусства.

Книга адресована всем интересующимся проблемами и состоянием духовной культуры.

УДК 008+7.0
ББК 71.04+87.8

ISBN 978-5-9690-0215-9

© Коллектив авторов, 2013
© Академия наук РТ, 2013
© Издательство «Фэн», 2013

Слушая звучание струнных инструментов,
услышь их составной центральный звук,
таким образом — вездесущность.

Вигьяна Бхайрава Тантра

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху глобализации, когда обостряются противоречия и конфликты разного рода, в духовной культуре народов особенно остро ощущается необходимость и значимость общенациональных идеалов, которые, являясь синтезирующим духовным стержнем, способствовали бы достижению единства общества и стабильности цивилизационного развития.

Процесс формирования объединяющего духовного начала особенно активно происходит в центральной зоне культуры, которая в трудах культурологов получила название «срединой культуры».

Авторы данной книги опираются на основные положения концепции срединной культуры, представленной в монографии Б.С. Ерасова «Универсалии и самобытность» (М.: Наука, 2002), и ставят своей задачей рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы на материале разных видов искусства: художественной литературы, театра, музыки, изобразительного искусства.

Сборник открывает статья «Культура как примиритель», автор которой (Ю.Г. Нигматуллина), опираясь на философские концепции и идеи синергетики, рассматривает некоторые варианты разрешения противоречий, разные способы интеграции противоположных ценностных ориентаций в единую культурную парадигму.

В последующих статьях в центре внимания авторов — основные характеристики («приметы») срединной культуры в разных видах искусства.

Так, на материале русской литературы XVIII века А.Н. Пашкуров показывает, как на основе различных национальных идей и доктрин

УДК 008+7.0
ББК 71.04+87.8
М43

Научный редактор – доктор филологических наук,
профессор Ю.Г. Нигматуллина

М43
**Между дисгармонией и гармонией: проблемы «средин-
ной культуры».** Сборник статей. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ,
2013. – 112 с.
ISBN 978-5-9690-0215-9

В книге рассматриваются функции и роль центральной зоны в системе культуры (так называемой «срединной культуры») в обеспечении стабильности и целостности духовной жизни общества. Тема исследуется на материале литературы, театра, музыки, изобразительного искусства.
Книга адресована всем интересующимся проблемами и состоянием духовной культуры.

ISBN 978-5-9690-0215-9

УДК 008+7.0
ББК 71.04+87.8

© Коллектив авторов, 2013
© Академия наук РТ, 2013
© Издательство «Фэн», 2013

Слушая звучание спиритных инструментов,
услышь их составной центральный звук,
таким образом – вездесущность.

Вильяма Брайвага Тантра

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху глобализации, когда обостряются противоречия и конфликты разного рода, в духовной культуре народов особенно остро ощущается необходимость и значимость общенациональных идеалов, которые, являясь синтезирующим духовным стержнем, способствовали бы достижению единства общества и стабильности цивилизационного развития.

Процесс формирования объединяющего духовного начала особенно активно происходит в центральной зоне культуры, которая в трудах культурологов получила название «срединной культуры».

Авторы данной книги опираются на основные положения концепции срединной культуры, представленной в монографии Б.С. Ерасова «Универсалии и самобытность» (М.: Наука, 2002), и ставят своей задачей рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы на материале разных видов искусства: художественной литературы, театра, музыки, изобразительного искусства.

Сборник открывает статья «Культура как примиритель», автор которой (Ю.Г. Нигматуллина), опираясь на философские концепции и идеи синергетики, рассматривает некоторые варианты разрешения противоречий, разные способы интеграции противоположных ценностей ориентаций в единую культурную парадигму.

В последующих статьях в центре внимания авторов – основные характеристики («приметы») срединной культуры в разных видах искусства.

Так, на материале русской литературы XVIII века А.Н. Пашкуров показывает, как на основе различных национальных идей и доктрин

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ (опыт системной картины)

Вводные замечания

Русская литературная культура XVIII века находится на показателе «стыке», на гребне встречи двух различных эпох, что сразу стимулировало и стимулирует поныне исследователей к динамике различных концепций.

С одной стороны, в трудах современных историков литературы можно найти приметы интересного творческого наследования сложившемуся еще в XIX веке принципу анализа этой эпохи «по персоналиям». В этом случае центром картины оказывается определенная выдающаяся писательская личность, а литература и время предстают подвижным контекстом вокруг нее. Показательным примером может служить система тематических сборников и монографий Тверского университета, посвященных творческой феноменологии Н.Львова и его литературного объединения (см.: [11]).

Практически столь же осящен авторитетами и традициями и другой взгляд на русскую литературу XVIII века и ее окружение – через систему определенного литературного направления и связанные с нею хронологические картины [18; 23; 8; 22].

Наконец, есть третья позиция. Ее специфика – во взгляде на отечественную литературно-историческую ситуацию XVIII – начала XIX веков как на поле взаимодействия различных национальных идей и доктрин. К примеру, А. Курилов предлагает исследовать русскую литературу XVIII века и ее мировое значение через соотношение начал «позиции праздника» и «прозы обыденного» [10]. А. Петров сосредоточил центральное исследовательское внимание на проблеме становления художественного историзма в одноименной моногра-

фии [16]. Т. Воронин рассматривает историю отечественной словесности XVIII века в диалоге с философией русского Православия [4].

Для нас приоритетный интерес представляют развивающиеся, в т.ч. в русле концепций евразийства [6; 3; 13; 15], концепции динамики так называемой «срединной культуры» в мировом историко-литературном процессе [7; 14].

Расхождение, пестрота и контрастность различных течений и идей в ситуации отечественной словесности XVIII века (каковы, к примеру, противоречивые соотношения религиозного и светского начал – в целом, динамика рассудочного и эмоционального в русском классицизме времени диалога М. Ломоносова и А. Сумарокова) подталкивают литературу, с одной стороны, к кризису. Однако, с другой стороны, при этом существенно возрастает роль цивилизаторского ядра культуры. То, что прежде существовало как теневая база процессов, постепенно выходит на первые планы и выводит историко-литературный процесс на уровень нового качества.

При обращении к вопросам формирования, проявления и развития срединной культуры в русской литературе XVIII века необходимо обратиться к следующим наиболее значимым моментам.

1. Какие ведущие надлитературные факторы определяли историко-литературный и эстетико-литературный процессы в их взаимопереплетениях на путях обретения нового качества? В первую очередь, поиск ответа на этот вопрос предполагает анализ закономерностей соотношения «большой» литературной культуры и «малой» фольклорной¹.

2. Какие, внутри единой диалектической системы словесности, сходились и расходились тенденции и какие в итоге сложились ключевые диалектические противоречия, которые литературе предстояло снять, разрешить? Именно здесь проявляет себя феномен эмерджентности, выходящий к проблеме созидания нового качества через противоречия как в границах одного направления (например, в позднем барокко или просветительском реализме), так и меж ними (пограничья барокко, предклассицизма и классицизма, сентиментализма и предромантизма и т.п.).

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ (опыт системной картины)

Вводные замечания

Русская литературная культура XVIII века находится на показательно «стыке», на границе встречи двух различных эпох, что сразу стимулировало и стимулирует поныне исследователей к динамике различных концепций.

С одной стороны, в трудах современных историков литературы можно найти приметы интересного творческого наследования сложившемуся еще в XIX веке принципу анализа этой эпохи «по персоналиям». В этом случае центром картины оказывается определенная выдающаяся писательская личность, а литература и время предстают подвижным контекстом вокруг нее. Показательным примером может служить система тематических сборников и монографий Тверского университета, посвященных творческой феноменологии Н.Львова и его литературного объединения (см.: [11]).

Практически столь же освещен авторитетами и традициями и другой взгляд на русскую литературу XVIII века и ее окружение — через систему определенного литературного направления и связанные с ним хронологические картины [18; 23; 8; 22].

Наконец, есть третья позиция. Ее специфика — во взгляде на отечественную литературно-историческую ситуацию XVIII — начала XIX веков как на поле взаимодействия различных национальных идей и доктрин. К примеру, А.Курилов предлагает исследовать русскую литературу XVIII века и ее мировое значение через соотношение начал «поэзии праздника» и «прозы обыденного» [10]. А.Петров сосредоточил центральное исследовательское внимание на проблеме становления художественного историзма в одноименной моногра-

фии [16]. Т.Воронин рассматривает историю отечественной словесности XVIII века в диалоге с философией русского Православия [4]. Для нас приоритетный интерес представляют развивающиеся, в т.ч. в русские концепции евразийства [6; 3; 13; 15], концепции динамики так называемой «срединной культуры» в мировом историко-литературном процессе [7; 14].

Расхождение, нестрога и контрастность различных течений и идей в ситуации отечественной словесности XVIII века (каковы, к примеру, противоречивые соотношения религиозного и светского начал — в целом, динамика рассудочного и эмоционального в русском классицизме времени диалога М.Ломоносова и А.Сумарокова) подталкивают литературу, с одной стороны, к кризису. Однако, с другой стороны, при этом существенно возрастает роль цивилизаторского ядра культуры. То, что прежде существовало как теневая база процессов, постепенно выходит на первые планы и выводит историко-литературный процесс на уровни нового качества.

При обращении к вопросам формирования, проявления и развития срединной культуры в русской литературе XVIII века необходимо обратиться к следующим наиболее значимым моментам.

1. Какие ведущие надлитературные факторы определяли историко-литературный и эстетико-литературный процессы в их взаимопереплетениях на путях обретения нового качества? В первую очередь, поиск ответа на этот вопрос предполагает анализ закономерностей соотношения «большой» литературной культуры и «малой» фольклорной.

2. Какие, внутри единой диалектической системы словесности, сходились и расходились тенденции и какие в итоге сложились ключевые диалектические противоречия, которые литературе предстояло снять, разрешить? Именно здесь проявляется себя феномен эмерджентности, выходящий к проблеме создания нового качества через противоречия как в границах одного направления (например, в позднем барокко или просветительском реализме), так и меж ними (пограничья барокко, просветительского реализма и классицизма, сентиментализма и предромантизма и т.п.).

3. Каково новое влияние складывающейся новой словесности на внелитературный контекст. Прежде всего, здесь речь идет о выкристаллизовывании единой национальной идеи, системы идеологии — говоря динамичнее, идеи, оказывающей централизующее влияние. Для русского XVIII века практически бесспорен в этом плане главенствующий диалог концептов Долга и Добродетели². Их союз, в конечном итоге, приводит к определяющему лицу национальной словесности понятию особого высокого (утопического) Оптимизма.

Некоторые закономерности соотношения «большой» и «малой» литературной культуры: словесность и фольклор

Картина соотношения большой литературной культуры и малой фольклорной в XVIII веке очень показательна.

Если рассматривать при этом весь процесс в панораме, сразу можно будет заметить, что наследие и живая динамика фольклора выступают для писателей ориентиром, в равной степени, и в идеологии, и в философско-эстетических программах, и в ходе осуществления, реализации новых жанровых процессов.

В позднем барокко при его движении к предклассицизму (см. подробнее: [2; 19]) фольклор выступает одновременно: и доказательством зыбкости картины мира, ищущего гармонию меж хаоса (религиозно-философские аллегорические поэмы С.Медведева, К.Истомина, образца «Вразумления умнаго зренья...»), с яркими пластами фольклорной языческой мифологии), и экспериментальной площадкой новых жанрово-стилевых процессов (в первую очередь, в лирике: в застольных, «солдатских», «морских» и иных песнях), и показательной иллюстрацией вызревания новой идеологии, в борьбе и преемственности с прежней моделью мира (как в трагедокомедии «Владимир» одного из первых отечественных теоретиков словесности Нового времени, Ф.Прокоповича; заметим, что в общеэстетическом теоретическом аспекте пьесу допустимо вполне видеть и как практическое «приложение» к учению «премудрого Феофана» о воображении и стилях, что ясно им изложено в «De arte poetica»).

Именно фольклор — одно из неперменных условий создания представлений о роли Правил в литературной культуре, что прямой стежкой ведет уже к классицизму. В том же «Владимире» фольклорные

заговоры четко «поляризуют» мир мирового зла, воплощенный в жрецах. Интереснее в анонимной любовной лирике: включение в текст лексики и мотивной ткани народных плачей сразу оказывается и действенным противоядием против жесткого западного влияния («судбина» — более могущественная сила, нежели все «венеры», «купидо» и др.), и удачным проводником мифологии национального сознания, и обширной областью пестрого, типично барочного столкновения и разногласия стилей (фольклорные просторечия и новообразования по их образцу, как то: «фортунца злая», по аналогии с разнообразными «чудищами», «дурищами» и пр.).

Для классицизма — программа более четкая. Здесь фольклор, в первую очередь, — залог созидания новой национальной идеологии, то, что определяет отличное лицо новой отечественной культуры. Значительно возрастает доля теоретического аспекта: и для А.Кантемира, и для В.Тредиаковского, и для Ломоносова, в их трактатах по стихосложению, та же «поэзия нашего простого народа» (в т.ч. Народная песня) — твердая почва, из свойств которой и следует исходить (одна из центральных «из-фольклорных» идеологем — о феномене тонического ударения). Стремителен рост национальной гордыни, с прямой опорой на целительную землю фольклора: если для А.Кантемира еще вполне достаточно сознания, что русские язык и стих не уступают древним и новоевропейским, то М.Ломоносову уже государственно необходимы резкие полемические и уничтожающие выпады против ряда европейских систем, в т.ч. — в отношении Польши, Франции.

Более определенной становится и жанровая палитра вступающей «в соревнование» с фольклором литературы. Очевидна поляризация задач. Большие формы, та же знаменитая и такая спорная в российской ситуации эпическая поэма, «диктуют» более внимания к былинной и героико-песенной фольклорным традициям (в меньшей, но еще более известной вариации мы видим такого рода тенденции в одах М.Ломоносова). Малые жанровые модели, песня, прежде всего, — поле вступления в словесное искусство психологизма и философии чувства как таковой (а мы помним, что дихотомия «разум — чувство» центральная в русском XVIII веке!), примером чему может служить эволюция любовной лирики: от В.Тредиаковского к А.Сумарокову, классицистско-сентименталистским экспериментам М.Хераскова и

3. Каково новое влияние складывающейся новой словесности на внелитературный контекст. Прежде всего, здесь речь идет о кристаллизировании единой национальной идеи, системы идеологии — творя динамичнее, идеи, оказывающей централизующее влияние. Для русского XVIII века практически бесспорен в этом плане главенствующий диалог концептов Долга и Добродетели². Их союз, в конечном итоге, приводит к определяющему лицу национальной словесности понятию особого высокого (утопического) Оптимизма.

Некоторые закономерности соотношения «большой» и «малой» литературной культуры: словесность и фольклор

Картина соотношения большой литературной культуры и малой фольклорной в XVIII веке очень показательна.

Если рассматривать при этом весь процесс в панораме, сразу можно будет заметить, что наследие и живая динамика фольклора выступают для писателей ориентиром, в равной степени, и в идеологии, и в философско-эстетических программах, и в ходе осуществления, реализации новых жанровых процессов.

В позднем барокко при его движении к предклассицизму (см. подробнее: [2; 19]) фольклор выступает одномоментно: и доказательством зыбкости картины мира, ищущего гармонично меж хаоса (религиозно-философские аллюзорические поэмы С.Медведева, К.Истомина, образа «Вразумления умного зрения...», с яркими планками фольклорной языческой мифологии), и экспериментальной площадкой новых жанрово-стилевых процессов (в первую очередь, в лирике: в застольных, «солдатских», «морских» и иных песнях), и показателем иллюстрацией вызревания новой идеологии, в борьбе и преемственности с прежней моделью мира (как в трагедокомедии «Владимир» одного из первых отечественных теоретиков словесности Нового времени, Ф.Прокоповича; заметим, что в общестественном теоретическом аспекте пьесе допустимо вполне видеть и как практическое «приложение» к учению «премудрого Феофана» о воображении и стилях, что ясно им изложено в «De arte poetica»).

Именно фольклор — одно из неизменных условий создания представлений о роли Правил в литературной культуре, что прямой стезей ведет уже к классицизму. В том же «Владимире» фольклорные

заговоры четко «поляризуют» мир мирового зла, воплощенный в жрецах. Интереснее в анонимной любовной лирике: включение в текст лексикой и мотивной ткани народных плачей сразу оказывается и действительным противоядием против жестокого западного влияния («судьбина» — более могущественная сила, нежели все «вены», «купидо» и др.), и удачным проводником мифологии национального сознания, и обширной областью пестрого, типично барочного столкновения и разнотелости стилей (фольклорные просторечия и но-вообразования по их образу, как то: «фортуниста злая», по аналогии с разнообразными «чудищами», «дурищами» и пр.).

Для классицизма — программа более четкая. Здесь фольклор, в первую очередь, — залог создания новой национальной идеологии, то, что определяет отличное лицо новой отечественной культуры. Значительно возрастает доля теоретического аспекта: и для А.Кантемира, и для В.Тредиаковского, и для Ломоносова, в их трактатах по стихосложению, та же «поэзия нашего простого народа» (в т.ч. Народная песня) — твердая почва, из свойств которой и следует исходить (одна из центральных «из-фольклорных» идеологем — о феномене тонического ударения). Стремителен рост национальной гордыни, с прямой опорой на целительную землю фольклора: если для А.Кантемира еще вполне достаточно сознания, что русские язык и стих не уступают древним и новоевропейским, то М.Ломоносов уже государственно необходимыми резкие полемические и уничтожающие выпады против ряда европейских систем, в т.ч. — в отношении Польши, Франции.

Более определенной становится и жанровая палитра вступающей «в соревнование» с фольклором литературы. Очевидна поляризация задач. Большие формы, та же знаменитая и такая спорная в российской ситуации эпическая поэма, «диктуют» более внимания к былинной и героико-песенной фольклорным традициям (в меньшей, но еще более известной вариации мы видим такого рода тенденции в одах М.Ломоносова). Малые жанровые модели, песни, прежде всего, — поле вступления в словесное искусство психологизма и философии чувства как таковой (а мы помним, что дихотомия «разум — чувство» центральная в русском XVIII веке!), примером чему может служить эволюция любовной лирики: от В.Тредиаковского к А.Сумарокову, классицистско-сентименталистским экспериментам М.Хераскова и

т.д. Национальная идея через диалог с фольклором здесь раскрывается не во внешних, а во внутренних масштабах, что прекрасно передают размышления В. Тредиаковского в своеобразном «предисловии», полемическом письме по поводу «Езды в остров Любви»: о том, что «наши отроки» – не мраморные статуи, и Россия имеет полнейшее, *свое право* войти в океан новых чувств и впечатлений.

В конечном же итоге и большая, и малая жанровая тенденции, при освоении народного творчества в классицизме, сходятся в одном: Фольклор для России – залог, помощник *своего, уникального пути в абсолют мировой истины*, пути, на котором мы оставим далеко позади все иные края и страны (в абсурдно-гротескной форме это любопытно прослеживается во «Вздорных одах» А. Сумарокова, где, например, Япония вообще «в пучине тонет»...).

Нельзя сбрасывать со счетов и растущее влияние идеологии Просветительства: его внедрение в фольклорные изыски классицизма приводит еще к одному любопытному варианту-итогу «литературно-фольклорной диалектики». Речь идет о представлениях касательно роли явления национальной типичности. Наметившись в бытовых комедиях А. Сумарокова («Рогоносец по воображению» и др.), затем эта тенденция преобразится в поисках русского прелатического направления (теоретическая вершина – театральные трактаты В. Лукина, П. Плавильщикова; лукинский «Мот, любовь исправленный», весь построенный на борьбе литературно-западного, мелодраматического, и фольклорного «зарядов», представлял живой интерес еще и в начале XIX века для великого реформатора – А.Грибоедова, о чем свидетельствуют и недавние наблюдения В. Топорова [21]).

Наконец, продолжение именно этих закономерностей в просветительском реализме порождает представления о «типическом характере в экспериментальных обстоятельствах» (формула Ю. Борева – [1]), как это происходит в пьесах Д. Фонвизина и В. Капниста или в малых жанрах прозы И. Крылова, особенно же – в баснях: от фонвизинских до измайловских и крыловских.

Сентиментализм с большей прилежностью возвращается к малым жанрам фольклора характерного лирического тона. Но, в отличие от барокко, место представлений о контрасте разных начал в бытии, равно как и «невмешательства» в саму структуру фольклорного наследия, занимают теперь идеи о народной культуре как цельной системе,

служашей литературе образцом «изящного вкуса» (Н.Кочеткова – [8]) и одновременно открытой для вхождения и подражания «старине». В последнем случае, при прямом влиянии фольклорной традиции, рождаются на свет, например, так называемые «малые» жанры сентиментализма: миниатюры-экспромты в духе лирических песен (как, допустим, в сборнике Н. Карамзина «Мои безделки») и собственно разного ранга антологии малых фольклорных жанров, прежде всего – «песенники» (завершение мы найдем уже в параллельной предромантической традиции: в известном опыте Н.Львова – И. Прача и др.). Продолжающая сохранять актуальность просветительская идеология приводит к появлению разного рода поэтических теорий о так называемом «народном (историческом) чувстве», существование которых для словесности было немыслимо без начала изучения исторических народных песен (см. в т.ч. из последних исследований – ряд любопытных гипотез А. Петрова [16]).

В целом впервые, в отличие от тенденций первой половины века, малая культура фольклора начинает признаваться и как возможный учитель большой литературной культуры, а не только как удобный «материал» для иллюстраций, заимствований или преобразований в свете новых государственно-идеологических целей Нового времени.

Наиболее оригинальной ситуация становится при доминанте примет предромантической поэтики в литературной и эстетической мысли.

Во-первых, русский фольклор свободно осознается писателями уже как эталон, по модели которого можно пересоздать не только свою, отечественную, новую литературу, но и европейские образцы разного времени, причем, что любопытно, подпадает под таковую новую идеологию даже малая (фольклорная) традиция чужеземной культуры. Потому, к примеру, Н.Львов и перелагает классическую скандинавскую скальдовую эпическую «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго» по ритмике и стилистике протяжной русской народной песни «Не звезда блестит далече в чистом поле...».

Во-вторых, предромантизм вписывает свое отношение к фольклору в систему характерной идеи взаимопроникновения, синтеза, «перепутаж» (слововыражение М. Муравьева) различных искусств. В готической «под-области» предромантизма весьма возрастает роль поэтики архитектуры и садово-паркового искусства (поздний

Т.Д. Национальная идея через диалог с фольклором здесь раскрывается не во внешних, а во внутренних масштабах, что прекрасно передают размышления В. Тредиаковского в своеобразном «предисловии», полемическом письме по поводу «Бэды в острове Любви»: о том, что «*наши отроки*» – не мраморные статуи, и Россия имеет полнейшее, *свое право* войти в океан новых чувств и впечатлений.

В конечном же итоге и большаа, и малая жанровая тенденция, при освоении народного творчества в классицизме, сходятся в одном: Фольклор для России – залог, помощник *своего, уникального пути в абсолют мировой истины*, пути, на котором мы оставим далеко позади все иные края и страны (в абсурдно-тоталитарной форме это лобопытно прослеживается во «Вздорных одах» А. Сумарокова, где, например, Япония вообще «в пучине тонет»...).

Нельзя сбрасывать со счетов и растущее влияние идеологии Просветительства: его внедрение в фольклорные языки классицизма приводит еще к одному лобопытному варианту-итогу «литературно-фольклорной диалектики». Речь идет о представленных касательно роли явления национальной типичности. Наметились в бытовых комедиях А. Сумарокова («Рогоносцы по воображению» и др.), затем эта тенденция преобразится в поисках русского претельного направления (теоретическая вершина – театральные трактаты В. Лукина, П. Плавильщикова, лужинский «Мог, любовию исправленный»), весь построенный на борьбе литературно-западного, мелодраматического, и фольклорного «зарядов», представлял живой интерес еще и в начале XIX века для великого реформатора – А.Г.Рибеедова, о чем свидетельствуют и недавние наблюдения В. Топорова [21]).

Наконец, продолжение именно этих закономерностей в просветительском реализме порождает представления о «типическом характере в экспериментальных обстоятельствах» (формула Ю. Борева – [1]), как это происходит в пьесах Д. Фонвизина и В. Капниста или в малых жанрах прозы И. Крылова, особенно же – в баснях: от фонвизинских до измайловских и крыловских.

Сентиментализм с большей прилежностью возвращается к малым жанрам фольклора характерного лирического тона. Но, в отличие от барокко, место представлений о контрасте разных начал в бытии, равно как и «невысказанности» в саму структуру фольклорного наследия, занимают теперь идеи о народной культуре как цельной системе,

служашей литературе образцом «изысканного вкуса» (Н.Кочеткова – [8]) и одновременно открытой для вхождения и подражания «старине». В последнем случае, при прямом влиянии фольклорной традиции, рождаются на свет, например, так называемые «малые» жанры сентиментализма: миниатюры-экспромты в духе лирических песен (как, допустим, в сборнике Н. Карамзина «Мои безделки») и собственно разного ранга антологии малых фольклорных жанров, прежде всего – «песенники» (завершение мы найдем уже в параллельной предромантической традиции: в известном опыте Н.Львова – И.Прача и др.). Продолжающая сохранять актуальность просветительская идеология приводит к появлению разного рода поэтических теорий о так называемом «народном (историческом) чувстве», существование которых для словесности было немаловажно без начала изучения исторических народных песен (см. в т.ч. из последних исследований – ряд лобопытных гипотез А. Петрова [16]).

В целом впервые, в отличие от тенденций первой половины века, малая культура фольклора начинает признаваться и как возможный учитель большой литературной культуры, а не только как удобный «материал» для иллюстраций, заимствований или преобразований в свете новых государственно-идеологических целей Нового времени.

Наиболее оригинальной ситуация становится при доминанте примет предромантической поэтики в литературной и эстетической мысли.

Во-первых, русский фольклор свободно осознается писателями уже как эталон, по модели которого можно пересоздать не только свою, отечественную, новую литературу, но и европейские образцы разного времени, причем, что лобопытно, подпадает под таковую новую идеологию даже малая (фольклорная) традиция чужеземной культуры. Потому, к примеру, Н.Львов и перелагает классическую скандинавскую скальдую эпическую «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго» по ритмике и стилистике противной русской народной песни «Не звезда блещит далече в чистом поле...».

Во-вторых, предромантизм вписывает свое отношение к фольклору в систему характерной идеи взаимопроникновения, синтеза, «перепутанности» (слововыражение М. Муравьева) различных искусств. В готической «под-области» предромантизма весьма возрастает роль поэтики архитектуры и садово-паркового искусства (поздний

пример мы найдем в творчестве В. Жуковского – в его повести «Марьяна роша»), классицизм нередко предполагает обращение к союзу с музыкой (как в повести М. Муравьева самого начала XIX столетия – «Оскольд»).

Ключевые диалектические противоречия

Внутри идеологии различных литературных стилей, направлений и явлений русской литературы XVIII века центральным выступает диалектическое противоречие «разум-чувство». Для первой трети столетия, периода барокко и предклассицизма, наиболее типично зыбкое равенство двух этих начал. Своеобразного апогея подобная тенденция достигает в трактате Прокоповича «De arte poetica», где, с одной стороны, утверждается решающая роль свободы вымысла (что приводит, предположим, первого русского эстетика Нового времени и к весьма необычной трактовке феномена элегии, вбирающей два таких полярных чувства, как «скорбь» и «радость»), но при этом, с другой стороны, проблескивает и приоритет будущего классицизма: идея о мере следования «рассудку правил» (на материале феноменологии русской трагедии – см.: [20]).

Последним отзвуком этой «высокой разногласицы», видимо, стала в XVIII веке России знаменитая теория Лирического Восторга М. Ломоносова. «Разум способен управлять миром и чувствами, но сам имеет смысл лишь в диалоге с ними» – такова формула русского классицизма. Появляется, вместо зыбкого полуравенства, знак более жесткой определенности, но тем не менее – диалектики: Разум – «больше или равен» Чувству. Эта теорема по-разному, но со схожим результатом решена и Ломоносовской, и Сумароковской школой. В первом случае – прорыв в «Хотинской» оде: «Восторг внезапный ум пленил...», во втором – известные признания в «Эпистоле о стихотворстве» касательно бессилия, минимум – полусилы, разума, *ratio* в мире, «проэлектризованном» и чувствами: «Коль хочешь то писать (здесь: постичь истину мироздания. – А.П.), так прежде ты влюбись...». Сумарокову, кстати, принадлежит и честь «перевода» проблемы «рассудка-чувств» в области не только собственно эстетики и теоретической поэтики, но и культуры и истории искусств, о чем его трактаты: «О стихотворстве камчадалов» и др.

Начиная от эпохи торжественных светских словес Феофана и первых сатир Кантемира все более существенную роль исполняет в картине общей диалектики проблемы и Просвещение. Существенным добавлением к общей концепции становится благодаря этому идеология прогресса, прекрасно представленная в т.ч. в известной концепции Н. Новикова о «воспитании ума и образовании сердца». Для просветительского реализма второй половины века, с его идеями исследования и преобразования типического характера в экспериментальных обстоятельствах, – это уже аксиома, на чем зиждется вся поэтика «предлагательных пьес», «высоких комедий», сатирико-просветительских журналов.

При сохранении знака «больше или равно» нормативное искусство сентиментализма меняет вектор его направления. Для этой системы лидером на том полюсе, от которого идет движение, становится чувство. Можно, как и в случае с европейской литературной культурой, но уже в принципиально ином национальном контексте, говорить о целой «психологической революции» в этом плане. Нормативность держится в сентименталистской поэтике как раз благодаря второму полюсу – Разуму.

В параллельном измерении сосуществует с сентиментализмом предромантизм. Ряд знаковых, опорных моментов, вне сомнения, схож. Оба направления связаны, каждое по-своему, с преобразующей ролью философии сенсуализма³ (в системе «человеческая личность – человеческое чувство») и, как определил в свое время В.А. Западов, со складывающимися новыми представлениями об «объективной чувственности» мира⁴. Именно благодаря этим представлениям становится возможным и развитие иных взглядов о соотношении рационального и эмоционального начал в искусстве, словесности и познании мира.

В основе системы сентиментализма лежит понятие «чувствительности» как основы и познания мира, и его преобразования через искусство. «Чувствительность», через традиции и европейского литературного движения, понимается при этом как «возбужденное внешним миром движение души к сострадательности»⁵. С этим связано новое понимание Природы и феномена Добродетели во внутреннем мире человека.

пример мы найдем в творчестве В. Жуковского – в его повести «Мариана роша», оссианизм нередко предполагает обращение к союзу с музыкой (как в повести М. Муравьева самого начала XIX столетия – «Оскольд»).

Ключевые диалектические противоречия

Внутри идеологии различных литературных стилей, направлений и явлений русской литературы XVIII века центральным выступает диалектическое противоречие «разум-чувство». Для первой трети столетия, периода барокко и предклассицизма, наиболее типично зыбкое равенство двух этих начал. Своеобразного апогея подобная тенденция достигает в трактате Прокоповича «De arte poetica», где, с одной стороны, утверждается решающая роль свободы вымысла (что приводит, предположим, первого русского эстетика Нового времени и к весьма необычной трактовке феномена эпитети, собирающей два таких полярных чувства, как «скорбь» и «радость»), но при этом, с другой стороны, проблематизирует и приоритет будничного классицизма: идея о мере следования «расулку правил» (на материале феномена логики русской трагедии – см.: [20]).

Последним отзвуком этой «высокой разногласицы», видимо, стала в XVIII веке России знаменитая теория Лирического Восторга М. Ломоносова. «Разум способен управлять миром и чувствами, но сам имеет смысл лишь в диалоге с ними» – такова формула русского классицизма. Появляется, вместо зыбкого полуравенства, знак более жесткой определенности, но тем не менее – диалектики: Разум – «больше или равен» Чувству. Эта теорема по-разному, но со схожим результатом решена и Ломоносовской, и Сумароковской школой. В первом случае – прорыв в «Хотинской» оде: «Восторг внезапный ум пленил...», во втором – известные признания в «Эпистоле о стихотворстве» касательно бессилия, минимума – полусистолы о стихотворстве» касательно бессилия, минимума – полусистолы, разума, ratio в мире, «продектризованном» и чувствами: «Коль хочешь ты писать (здесь: постичь истину мироздания. – А.П.), так прежде ты влюбись...». Сумарокову, кстати, принадлежит и честь «перевода» проблемы «расулка-чувств» в области не только собственно эстетики и теоретической поэтики, но и культуры и истории искусств, о чем его трактаты: «О стихотворстве камчадалов» и др.

Начиная от эпохи торжественных светских словес Феофана и первых сатир Кантемира все более существенную роль исполняет в картине общей диалектики проблемы и Просвещение. Существенным добавлением к общей концепции становится благодаря этому идеология прогресса, прекрасно представленная в т.ч. в известной концепции Н. Новикова о «воспитании ума и образовании сердца». Для просветительского реализма второй половины века, с его идеями исследования и преобразования типического характера в экспериментальных обстоятельствах, – это уже аксиома, на чем зиждется вся поэтика «предательных пьес», «высоких комедий», сатирико-просветительских журналов.

При сохранении знака «больше или равно» нормативное искусство сентиментализма меняет вектор его направления. Для этой системы лидером на том полюсе, от которого идет движение, становится чувство. Можно, как и в случае с европейской литературной культурой, но уже в принципиально ином национальном контексте, говорить о целой «психологической революции» в этом плане. Нормативность держится в сентименталистской поэтике как раз благодаря второму полюсу – Разуму.

В параллельном измерении сосуществует с сентиментализмом предромантизм. Ряд знаковых, опорных моментов, вне сомнения, схож. Оба направления связаны, каждое по-своему, с преобразующей ролью философии сенсуализма³ (в системе «человеческая личность – человеческое чувство») и, как определил в свое время В.А. Запавов, со складывающимися новыми представлениями об «объективной чувственности» мира⁴. Именно благодаря этим представлениям становится возможным и развитие иных взглядов о соотношении рационального и эмоционального начал в искусстве, словесности и познании мира.

В основе системы сентиментализма лежит понятие «чувственности» как основы и познания мира, и его преобразования через искусство. «Чувствительность», через традиции и европейского литературного движения, понимается при этом как «возбужденное внешним миром движение души к сострадательности»⁵. С этим связано новое понимание Природы и феномена Добродетели во внутреннем мире человека.

В предромантизме центром системы становится понятие «личностной рефлексии» (на языке философской лирики – «священная меланхолия», как ее определяет в одноименном стихотворении Н. Карамзин). Это как бы промежуточное звено между «чувствительностью» сентиментализма и «психологизмом» романтизма. Комплекс тем и мотивов оказывается связан, прежде всего, с культивированием «мечты» и «гения». Символический образ мечты обуславливает в предромантизме отличный от романтизма оптимистический гуманистический пафос («мир как Чудо»⁶); через превознесение личности как Гения намечается новый интересный выход к философско-эстетическим представлениям о «беспредельности» мира.

И сентиментализм, и предромантизм связаны (в т.ч. и в литературно-культурной ситуации России) с новыми представлениями об историческом процессе и решающей роли духовно-нравственной его составляющей. В журнальных эссе 1770–1800-х годов частотны размышления о национальной истории как истоке «пленительной унылости» и средоточии «чувствительной добродетели». Зачинателями складывающейся традиции нового историзма выступают в это время именно писатели сентименталистско-предромантической ориентации: М. Херасков («Россияда»), М. Муравьев («Разговоры в царстве мертвых»), Н. Карамзин (от «чувствительных» повестей, образца «Натальи, боярской дочери» – к «Истории Государства Российского»). Весьма велико было при всем этом значение вновь открытой древнерусской житийной традиции.

Наконец, сентиментализм и предромантизм в русской словесности объединены рядом смежных, «переходных» явлений. Одним из ярких примеров может служить так называемая «меланхолическая школа» в русской философской лирике рубежа XVIII–XIX веков, школа, благодаря которой во многом сложился первый русский романтик (равно как и один из последних предромантиков!) – В. Жуковский.

Однако, при бесспорном «параллелизме схожести», добавляется ступень более сложного порядка: это идея так называемого «иррационального», «над-рассудочного» начала (завершение свое она получит в трудах эстетиков уже начала XIX века, современного рождению романтизма: у П. Георгиевского, Л. Якоба и др.).

Творческие системы Н. Львова, М. Муравьева, Г. Державина – эпицентр процессов.

Система идеологии и единая национальная идея

Рассмотрев в ситуации русского XVIII века своеобразие соотношения «большой» литературной культуры с «малой» фольклорной и феноменологию эмерджентности, мы выходим на еще один, более важный и высокий уровень системы срединной культуры. Речь идет о национальной идее, цементирующей все это в единое целое. Учитывая как внутрилiterатурные, так и внелiterатурные факторы, по-видимому, можно будет говорить о таких двух важнейших понятиях, как Долг и Добродетель. Именно два эти концепта определяют связь и взаимодействие внешнего, государственно-идеологического, и внутреннего, психологического, аспектов в литературной культуре России Нового времени.

Все еще сохраняются традиционные представления, согласно которым первое из понятий, понятие Долга, более присуще периоду первой половины столетия (его канонически именуют «временем классицизма» – см. научно-методологические концепции А. Курилова, Ю. Минералова [9; 12]), в то время как идеология Добродетели – феномен, во многом рожденный спецификой второй половины XVIII века, проходившей под знаком психологической революции сентиментализма-предромантизма, при значительном влиянии философско-этических учений масонства (такое видение проблемы мы встречаем и в классической монографии Н. Кочетковой «Литература русского сентиментализма» [8]).

Действительно, на первый взгляд, прозрачные параллели напрашиваются сами собою. Для панегирической оды Ломоносова или высоких трагедий А. Сумарокова Долг, в его философско-политическом понимании, – одно из ключевых проявлений Идеала, Абсолюта, «царей и царств земных отрада». В то же время для новой дидактико-психологической лирики М. Хераскова, системы прозы становящегося русского сентиментализма, учения предромантиков о пересоздающем мир Гении – для всех явлений литературной культуры этого спектра очевиден иной эталон: Добродетели, воспетой в одноименной дидактической масонской оде М. Хераскова («О добродетели»). Словами Н. Карамзина, признанного вождя литературного движения России 1780–1810-х годов, Добродетель неразделимо связана, в отличие от Долга, ориентированного на гармонию миро-

В предромантизме центром системы становится понятие «личностной рефлексии» (на языке философской лирики – «связанная меланхолия», как ее определяет в одноименном стихотворении Н. Карамзин). Это как бы промежуточное звено между «чувствительностью» сентиментализма и «психологизмом» романтизма. Комплекс тем и мотивов оказывается связан, прежде всего, с культивированием «мечты» и «тени». Символический образ мечты обуславливает в предромантизме отграниченный от романтизма оптимистический гуманистический пафос («мир как Чудо»⁹); через превознесение личности как Гения намечается новый интересный выход к философско-эстетическим представлениям о «беспределности» мира.

И сентиментализм, и предромантизм связаны (в т.ч. и в литературно-культурной ситуации России) с новыми представлениями об историческом процессе и решающей роли духовно-нравственной его составляющей. В журнальных эссе 1770–1800-х годов частотны размышления о национальной истории как истоке «пленительной унылости» и средоточии «чувствительной добродетели». Зачинателями складывающейся традиции нового историзма выступают в это время именно писатели сентименталистско-предромантической ориентации: М. Херасков («Россияда»), М. Муравьев («Разговоры в царстве мертвых»), Н. Карамзин (от «чувствительных» повестей, образа «Нatalьи, боярской дочери» – к «Истории Государства Российского»). Весьма велико было при всем этом значение вновь открытой древнерусской житийной традиции.

Наконец, сентиментализм и предромантизм в русской словесности объединены рядом смежных, «переходных» явлений. Одним из ярких примеров может служить так называемая «меланхолическая школа» в русской философской лирике рубежа XVIII–XIX веков, школа, благодаря которой во многом сложились первый русский романтик (равно как и один из последних предромантиков) – В. Жуковский.

Однако, при бесспорном «параллелизме схожести», добавляется ступень более сложного порядка: это идея так называемого «иррационального», «над-расудочного» начала (завершение свое она получает в трудах эстетиков уже начала XIX века, современного рождения романтизма: у П. Георгиевского, Л. Якова и др.).

Творческие системы Н. Львова, М. Муравьева, Г. Державина – эпицентр процессов.

Система идеологии и единая национальная идея

Рассмотрев в ситуации русского XVIII века своеобразие соотношения «большой» литературной культуры с «малой» фольклорной и феноменологию эмерджентности, мы выходим на еще один, более важный и высокий уровень системы срединной культуры. Речь идет о национальной идее, цементирующей все это в единое целое. Учитывая как внутрилитературные, так и внелитературные факторы, по-видимому, можно будет говорить о таких двух важнейших понятиях, как Долг и Добродетель. Именно два эти концепта определяют связь и взаимодействие внешнего, государственно-идеологического, и внутреннего, психологического, аспектов в литературной культуре России Нового времени.

Все еще сохраняются традиционные представления, согласно которым первое из понятий, понятие Долга, более присуще периоду первой половины столетия (его канонически именуют «временем классицизма» – см. научно-методологические концепции А. Куримова, Ю. Минералова [9; 12]), в то время как идеология Добродетели – феномен, во многом рожденный спецификой второй половины XVIII века, проходившей под знаком психологической революции сентиментализма-предромантизма, при значительном влиянии философско-этических учений масонства (такое видение проблемы мы встречаем и в классической монографии Н. Кочетковой «Литература русского сентиментализма» [8]).

Действительно, на первый взгляд, прозрачные параллели напрашиваются сами собою. Для панегрической одописи Ломоносова или высоких трагедий А. Сумарокова Долг, в его философско-политическом понимании, – одно из ключевых проявлений Идеала, Абсолюта, «царей и царств земных отрада». В то же время для новой дидактико-психологической лирики М. Хераскова, системы прозы становящегося русского сентиментализма, учения предромантиков о пересоздающем мир Гении – для всех явлений литературной культуры этого спектра очевиден иной эталон: Добродетели, воспитанной в одноименной дидактической масонской оде М. Хераскова («О добродетели»). Словами Н. Карамзина, признанного вождя литературного движения России 1780–1810-х годов, Добродетель нераздельным образом связана, в отличие от Долга, ориентированного на гармонично миро-

здания, с представлениями об искуплении дис-гармонии, искуплении — через духовное страдание, как в знаменитой «Бедной Лизе»: «Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...».

Тут-то и кроется диалектическое противоречие, таящее в себе объяснение интенсивного творческого развития словесности России Нового времени. Иными словами, чем дальше расходятся, на первое впечатление, идеологемы Долга и Добродетели, тем в действительности они внутренне и сущностно ближе. Начиная с того, что понятие Добродетели как внутреннего этического стержня преобразования мира на его путях к Гармонии свободно проявляется еще у М. Ломоносова. Потому и звучат в панегирике Елисавет (ода 1747 года) символические строки: «Душа Ея Зефира тише, И зрак прекраснее рая...».

Неразрывным с таким видением оказывается и философия Долга. Позднепросветительскую ее вариацию мы находим в показательнейшей высокой трагедии второй половины века — у Я. Княжнина в «Вадиме Новгородском»: дочь новгородского посадника объясняет свою любовь к чужеземному спасителю родного Новгорода — как раз «одобродетеленным долгом»: «Не князя в Рурике, я Рурика люблю...». При возрастающей доле просветительского влияния, вырисовывается такая интересная закономерность:

1. Долг может принимать как внешнее, общественное обличье, так и внутреннее, личностное.

2. Второе осознается постепенно как наиболее действенный путь обретения истины первого.

3. Союз внешнего и внутреннего в идеологии Долга и обеспечивает прогресс: как общества, так и личности. От классической русской одописи — к концепциям просветительской журналистики и драматургии середины XVIII века — и к открытиям отечественного просветительского реализма — цепочка и эволюции и преемственности налицо. Все обозначенные нами выше положения находят свое продолжение в известных манифестах Стародума в фонвизинском «Недоросле». Массонство, вторая наряду с Просвещением мощная идеологическая традиция, переводит идеологему Долга во «внешне-внутренний» аспект: следование Долгу перед «архитектором Вселенной» — Богом — непосредственно очищает душу посвященного масо-

на — и вновь возвращает мир к гармонии духовного прогресса, как в одном из известных масонских гимнов: «И наше взывает умиление К Тебе, как утрення роса...».

Добродетель как целостная идеология приходит в русской литературной культуре XVIII века к таким итогам:

1. Внутреннее совершенствование человека немислимо без следования общественным идеальным нормам (развитие кодекса древнерусской словесности: от кредо «Словес...» Ф. Прокоповича: «За люди положить душу свою...» до известной теории «общественного человека» в творчестве А. Радищева, например, в раннем «Дневнике одной недели»).

2. Внутреннее совершенство личности — залог как ее успешного карьерного пути в мире, так и ее высокой гражданственности. «Вы вольны, счастливы — стою только я...» — к такому кредо добродетели как гражданского самопожертвования приходит княжнинский Рурик. «Прикладное», положительно-корыстное понимание человеческой добродетельности присуще еще «гисториям» самого начала века: в «Гистории о российском кавалере Александре» это проявляется яркими выплесками даже на стилистическом уровне. Как только кто-либо из героев преступает нравственность, обильно заполняют страницы очень неровного стилистически произведения парадоксальная «эстетика блуда» и обширные слои русского мата.

3. Добродетель есть прямейший и вернейший путь к самопознанию. Закономерен призыв М. Ломоносова в одной из поздних од 1750-х годов: «Везде исследуйте всечасно, Что есть велико и прекрасно...».

4. Добродетель в высшем своем проявлении не что иное, как Гармония и обретение Истины и Бога. В соотнесении с идеей синтеза искусств мы увидим подобное понимание мира в предромантической оде Н. Львова «Музыка, или Семитония», где это искусство даже «...Несчастных душу облегчает Отрадной, теплою слезой...».

Как видим:

а) Долг и Добродетель постоянно переплетаются и взаимопроникают в картине мира, создаваемой русской словесностью XVIII века;

б) их союзом отмечены абсолютно все периоды историко-литературного процесса 1700–1810-х годов. Постскрипумом могут

знания, с представлениями об искуплении дисгармонии, искуплении — через духовное страдание, как в знаменитой «Бедной Лизе»: «Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...».

Тут-то и кроется диалектическое противоречие, тающее в себе объяснение интенсивного творческого развития словесности России Нового времени. Иными словами, чем дальше расходитесь, на первое впечатление, идеологиемы Долга и Добродетели, тем в действительности они внутренне и сущностно ближе. Начнем с того, что понятие Добродетели как внутреннего этического стержня преобразования мира на его путях к Гармонии свободно проявляется еще у М. Ломоносова. Поэтому и звучат в панегрике Елисавет (ода 1747 года) символичные строки: «Душа Ея Зефира тише, И зрак прекраснее рад...». Неразрывным с таким видением оказывается и философия Долга.

Позднепросветительскую ее вариацию мы находим в показательнейшей высокой трагедии второй половины века — у Я. Княжнина в «Вадиме Новгородском»: дочь новгородского посадника объясняет свою любовь к чужеземному спасителю родного Новгорода — как раз «одоброделенным долгом»: «Не князя в Рурике, я Рурика люблю...». При возрастающей доле просветительского влияния, вырисовывается такая интересная закономерность:

1. Долг может принимать как внешнее, общественное обличье, так и внутреннее, личностное.
2. Второе осознается постепенно как наиболее действенный путь обретения истины первого.

3. Союз внешнего и внутреннего в идеологии Долга и обеспечивает прогресс: как общества, так и личности. От классической русской оды — к концепциям просветительской журналистики и драматургии середины XVIII века — и к открытиям отечественного просветительского реализма — цепочка и эволюции и преемственности налицо. Все обозначенные нами выше положения находят свое продолжение в известных манифестах Стародума в фонвизинском «Недоросле». Масонство, вторая наряду с Просвещением мощная идеологическая традиция, переводит идеологему Долга во «внешне-внутренний» аспект: следование Долгу перед «архитектором Вселенной» — Богом — непосредственно очищает душу посвященного масона —

на — и вновь возвращает мир к гармонии духовного прогресса, как в одном из известных масонских гимнов: «И наше вздыет умиление К Тебе, как утрення роса...».

Добродетель как целостная идеология приходит в русской литературной культуре XVIII века к таким итогам:

1. Внутреннее совершенствование человека немислимо без следования общественным идеальным нормам (развитие кодекса древнерусской словесности: от кредо «Словес...» Ф. Прокоповича: «За люди положить душу свою...» до известной теории «общественного человека» в творчестве А. Радищева, например, в раннем «Дневнике одной недели»).

2. Внутреннее совершенство личности — залог как ее успешного карьерного пути в мире, так и ее высокой гражданственности. «Вы вольны, счастливы — стонаю только я...» — к такому кредо добродетели как гражданского самопожертвования приходит княжнинский Рурик. «Прикладное», положительно-корыстное понимание человеческого добродетельности присуще еще «гисториям» самого начала века: в «Гистории о российском кавалере Александре» это проявляется яркими выпесками даже на стилистическом уровне. Как только кто-либо из героев преступает нравственность, обильно заполняют страницы очень неровного стилистически произведения парадоксальная «эстетика блуда» и обширные слои русского мата.

3. Добродетель есть прямейший и вернейший путь к самопознанию. Закономерен призыв М. Ломоносова в одной из поздних од 1750-х годов: «Везде исследуйте всечасно, Что есть велико и прекрасно...».

4. Добродетель в высшем своем проявлении не что иное, как Гармония и обретение Истины и Бога. В соотношении с идеей синтеза искусств мы увидим подобное понимание мира в предромантистической оде Н. Львова «Музыка, или Семитония», где это искусство даже «...Несчастных душу облегчает Отрадной, теплою слезой...».

Как видим:

- а) Долг и Добродетель постоянно переплетаются и взаимопроникают в картине мира, создаваемой русской словесностью XVIII века;
- б) их союзом отмечены абсолютно все периоды историко-литературного процесса 1700–1810-х годов. Постскриптумом могут

служить прекрасные слова В. Жуковского: «Поэзия есть добродетель...». Есть и более высокая (а в конечном счете, пожалуй, и итоговая) «ступень прочтения». Дело в том, что союз и диалог идеологом Долга и Добродетели приводит, уже в самые первые годы Нового века, к классической утопической теории особого, государственного и личного, Оптимизма, философия которого прекрасно передана еще в этико-бытовом кодексе «Юности честного зеркала»: «...но прямо, а не согнувшись ступать и голову держать прямо ж, а на людей глядеть весело и приятно, с благообразным постоянством...».

Завершающая фаза этого Оптимизма – утверждение решающей роли личности, объединившей Долг и Добродетель, в преобразовании народа, государства и всего мира. Потому и подводит Н. Карамзин в «Рыцаре нашего времени» такой итог: «Тот дворянин, кто за многих один...» (современный филолог А. Петров предлагает говорить применительно к рассмотрению карамзинской эпохи даже о философии и этике особого «исторического чувства» как стержне литературно-философского менталитета России [16]). Вопрос о месте других подсистем культуры (живопись, архитектура, музыка, этикет и ряд др.) в едином целом культуры срединной требует особого, отдельного и развернутого рассмотрения.

В качестве своеобразного постскриптума наших предварительных размышлений наметим эскизно ряд безусловно имеющих место быть тенденций:

1. Означенные нами выше под-системы культуры более традиционны и медлительны в процессе идущих изменений. Потому в пособиях начала XVIII века («Приклады, како пишутся комплименты разные», «Юности честное зеркало») и сохраняются весьма активно смыслообразующие «линии» древнерусских произведений такого профиля (прежде всего – «Домостроя»). Точно так же: классицизм определяет официальное лицо русской архитектуры практически на протяжении всего столетия, в то время как в литературе пестрейшим образом трансформируется уже к 1740–1750-м годам (почему и неверен печально известный постулат В. Белинского о русской словесности XVIII века как исключительном царстве «ложноклассицизма»!).

2. Протекающие в этих подсистемах культуры процессы образуют своеобразное диалектическое «кольцо», при соотношении начала и конца века: для первых лет и первого десятилетия века очень

актуальна барочная концепция «храмового синтеза искусств» (здесь: словесности-риторики, (крюковой) музыки, собственно церковной, храмовой, архитектуры, живописи-иконописи – см.: [17]), для конца XVIII и начала XIX века типичны:

а) включение данных других искусств в произведение («Музыка, или Семитония» Н. Львова),

б) синтетическое параллельное освоение авторами-энциклопедистами разных искусств как комплекса (в случае с кружком Н. Львова – Г. Державина: живопись, театр, музыка, с подключением познаний из областей ботаники, минералогии и геологии, пчеловодства и др.).

3. Если в начале XVIII века еще был возможен синкретизм, системность нерасчлененности во взаимоотношениях литературы с другими искусствами (что соответствовало барочной идее познания мира через хаос и пестроту контрастов), то со второй половины процесса (не позднее 1760-х годов) главенствующие позиции занимает уже синтетизм: сознательное «внове-сведение» разных искусств в одну систему при полном понимании и признании их отдельного, самостоятельного характера (здесь ориентиром для писателей в такого рода экспериментах становится поэтика предромантизма).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Neuhäuser R.* Periodization and classification of sentimental and preromantic trends in Russian literature between 1750 and 1815 / R. Neuhäuser // *Canadian contributions to the seventh international Congress of Slavists*, Warsaw, August 21–27, 1973. – The Hague, Paris, 1973. – P. 11–39.
2. *Борев Ю.Б.* Просветительский реализм / Ю.Б. Боров // *Теория литературы*. – Т. 4: Литературный процесс. – М., 2001. – С. 205–211.
3. *Буранок О.М.* Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феодан Прокопович / О.М. Буранок. – М.: Наука, Флинта, 2005. – 470 с.
4. *Вопросы философии*. – 1995. – № 6.
5. *Воронин Т.Л.* История русской литературы XVIII столетия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 304 с.
6. *Гусев В.Е.* Эстетика фольклора / В.Е. Гусев. – Л.: Наука, 1967. – 319 с.
7. *Евразия. Культуры, народы, религии*. – 2001. – № 1–2.
8. *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность / Б.С. Ерасов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.

служить прекрасные слова В. Жуковского: «Поэзия есть добродетель...». Есть и более высокая (а в конечном счете, пожалуй, и итоговая) «степень прочтения», Дело в том, что союз и диалог идеологем Долга и Добродетели приводит, уже в самые первые годы Нового века, к классической утопической теории особого, государственного и личного, Оптимизма, философия которого прекрасно передана еще в этико-бытовом кодексе «Оносии честного зеркала»: «...но прямо, а не согнувшись ступать и голову держать прямо ж, а на людей глядеть весело и приятно, с благообразным постоянством...».

Завершающая фаза этого Оптимизма – утверждение решающей роли личности, объединившей Долг и Добродетель, в преобразовании народа, государства и всего мира. Поэтому и подводит Н. Карамзин в «Рыцаре нашего времени» такой итог: «Тот дворянин, кто за многих один...» (современный филолог А. Петров предлагает говорить применительно к рассмотрению карамзинской эпохи даже о философии и этике особого «исторического чувства» как стержне литературно-философского менталитета России [16]). Вопрос о месте других подсистем культуры (живопись, архитектура, музыка, этикет и ряд др.) в едином целом культуры срединной требует особого, отдельного и развернутого рассмотрения.

В качестве своеобразного постскрипума наших предварительных размышлений наметим эскизно ряд безусловно имеющих место быть тенденций:

1. Означенные нами выше подсистемы культуры более традиционны и медлительны в процессе идущих изменений. Потому в последние начала XVIII века («Прикалды, како пишутся комплименты разные», «Оносии честное зеркало») и сохраняются весьма активно смыслообразующие «линии» древнерусских произведений такого профиля (прежде всего – «Домострой»). Точно так же: классицизм определяет официальное лицо русской архитектуры практически на протяжении всего столетия, в то время как в литературе пестрейшим образом трансформируется уже к 1740–1750-м годам (почему и неверен печально известный постулат В. Белинского о русской словесности XVIII века как исключительно царстве «ложноклассицизма»!).

2. Протекающие в этих подсистемах культуры процессы образуют своеобразное диалектическое «кольцо», при соотношении начала и конца века: для первых лет и первого десятилетия века очень

актуальна барочная концепция «храмового синтеза искусств» (здесь: словесности-риторики, (крюковой) музыки, собственно церковной, храмовой, архитектуры, живописи-иконописи – см.: [17]), для конца XVIII и начала XIX века типичны:

а) включение данных других искусств в произведение («Музыка, или Семитония» Н. Львова),

б) синтетическое параллельное освоение авторами-энциклопедистами разных искусств как комплекса (в случае с кружком Н. Львова – Г. Державина: живопись, театр, музыка, с подлинным познанием из областей богатики, минералогии и геологии, чешловодства и др.).

3. Если в начале XVIII века еще был возможен синкретизм, системность нерасчлененности во взаимоотношениях литературы с другими искусствами (что соответствовало барочной идее познания мира через хаос и пестроту контрастов), то со второй половины процесса (не позднее 1760-х годов) главенствующие позиции занимает уже синтетизм: сознательное «внове-сведение» разных искусств в одну систему при полном понимании и признании их отдельного, самостоятельного характера (здесь ориентиром для писателей в такого рода экспериментах становится поэтика предромантизма).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Neuhäuser R.* Periodization and classification of sentimental and pre-romantic trends in Russian literature between 1750 and 1815 / R. Neuhäuser // *Canadian contributions to the seventh international Congress of Slavists*, Warsaw, August 21–27, 1973. – The Hague, Paris, 1973. – P. 11–39.
2. *Борев Ю. Б.* Просветительский реализм / Ю. Б. Борев // *Теория литературы*. – Т. 4. Литературный процесс. – М., 2001. – С. 205–211.
3. *Буранок О. М.* Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович / О. М. Буранок. – М.: Наука, Флинта, 2005. – 470 с.
4. Вопросы философии. – 1995. – № 6.
5. *Воронин Т. Л.* История русской литературы XVIII столетия. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – 304 с.
6. *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора / В. Е. Гусев. – Л.: Наука, 1967. – 319 с.
7. Евразия. Культура, народы, религии. – 2001. – № 1–2.
8. *Брасов Б. С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность / Б. С. Брасов. – М.: Наука, 2002. – 524 с.

9. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма / Н.Д.Кочеткова. – СПб.: Наука, 1994. – 282 с.
10. Курилов А.С. Классицизм в русской литературе: исторические границы и периодизация / А.С.Курилов // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 12–22.
11. Курилов А.С. О мировом значении русской литературы XVIII века / А.С.Курилов // Русская словесность. – 2005. – № 8. – С. 20–22.
12. Милогина Е.Г., Строганов М.В. Гений вкуса. Н.А.Львов. Итоги и проблемы изучения / Е.Г.Милогина, М.В.Строганов. – Тверь: ТвГУ, 2008. – 278 с.
13. Минералов Ю.И. История русской словесности XVIII века / Ю.И.Минералов. – М.: Владос, 2003. – 257 с.
14. Научный Татарстан. – 2010. – № 3. – С.137–140.
15. Нигматуллина Ю.Г. ТатАвангард и современный цивилизационный процесс / Ю.Г.Нигматуллина. – Казань: АН РТ, 2011. – 67 с.
16. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация / И.Б.Орлова. – М.: Норма, 1998. – 275 с.
17. Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века / А.В.Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2006. – 288 с.
18. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Л.И.Сазонова. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 904 с.
19. Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира / И.З.Серман. – Л.: Наука, 1973. – 268 с.
20. Смирнов А.А. К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии / А.А.Смирнов // Проблемы теории и истории литературы. – М., 1971. – С.67–73.
21. Смолина К.А. Русская трагедия. XVIII век. Эволюция жанра / К.А.Смолина. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 208 с.
22. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. – Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I / В.Н.Топоров. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 912 с.
23. Федосеева Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма / Т.В.Федосеева. – М.: МГОУ, 2006. – 158 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы говорим именно о фольклорной литературной культуре, включающей в себя, в синкретичную эпоху XVIII века, помимо собственно произведений устного народного творчества, совокупность обрядово-бытовых явлений [5].

² Первый понимается как двусторонне ориентированная, нравственно-гражданственная, обязанность, активно определяющая соотношения личности и общества, личности и государства, вторая – как одно из высших нравственных качеств, направленных на созидание и распространение добра как во внутреннем, так и во внешнем мире.

³ Сравним показательные манифесты сентиментализма и предромантизма, соответственно:

а) «Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...» (Н.М.Карамзин, «Бедная Лиза»);

б) «Не может тяжелой труд и хладно размышление / Мгновенным Гения полетам подражать...» (М.Н.Муравьев, «Сила Гения»).

⁴ Западов В.А. Литературные направления в русской литературе XVIII века. – СПб., 1995.

⁵ Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994. – С. 18–20.

⁶ Это словообраз одного из создателей русского предромантизма – М.Н. Муравьева.

9. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма / Н.Д.Кочеткова. – СПб.: Наука, 1994. – 282 с.
10. Курилов А.С. Классицизм в русской литературе: исторические границы и периодизация / А.С.Курилов // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 12–22.
11. Курилов А.С. О мировом значении русской литературы XVIII века / А.С.Курилов // Русская словесность. – 2005. – № 8. – С. 20–22.
12. Милосина Е.Г., Строганов М.В. Гений вкуса. Н.А.Львов. Итоги и проблемы изучения / Е.Г.Милосина, М.В.Строганов. – Тверь: ТвГУ, 2008. – 278 с.
13. Минералов Ю.И. История русской словесности XVIII века / Ю.И.Минералов. – М.: Влалос, 2003. – 257 с.
14. Научный Татарстан. – 2010. – № 3. – С. 137–140.
15. Низаматуллина Ю.Г. Татарстан и современный цивилизационный процесс / Ю.Г.Низаматуллина. – Казань: АН РТ, 2011. – 67 с.
16. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация / И.Б.Орлова. – М.: Норма, 1998. – 275 с.
17. Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века / А.В.Петров. – Магнитогорск: МаГУ, 2006. – 288 с.
18. Сазонова Д.И. Литературная культура России. Раннее Новое время / Д.И.Сазонова. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 904 с.
19. Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира / И.З.Серман. – Л.: Наука, 1973. – 268 с.
20. Смирнов А.Д. К проблеме соотношения русского предклассицизма и гуманистической теории поэзии / А.Д.Смирнов // Проблемы теории и истории литературы. – М., 1971. – С. 67–73.
21. Смолина К.А. Русская трагедия. XVIII век. Эволюция жанра / К.А.Смолина. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 208 с.
22. Топоров В.Н. Из истории русской литературы. – Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М.Н.Муравьев: Введение в творческое наследие. Книга I / В.Н.Топоров. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 912 с.
23. Федосеева Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма / Т.В.Федосеева. – М.: МГОУ, 2006. – 158 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы говорим именно о фольклорной литературной культуре, включенной в себя, в синкретичную эпоху XVIII века, помимо собственно произведений устного народного творчества, совокупность обрядово-бытовых явлений [5].

² Первый понимается как двусторонне ориентированный, нравственно-гражданственная, обязанность, активно определяющая соотношения личности и общества, личности и государства, вторая – как одно из высших нравственных качеств, направленных на создание и распространение добра как во внутреннем, так и во внешнем мире.

³ Сравним показательные манифесты сентиментализма и предромантизма, соответственно:

а) «Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали...» (Н.М.Карамзин, «Бедная Лиза»);

б) «Не может тяжелой труд и хладно размышление / Мгновенным Гения полетам подражать...» (М.Н.Муравьев, «Сила Гения»).

⁴ Западое В.А. Литературные направления в русской литературе XVIII века. – СПб., 1995.

⁵ Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994. – С. 18–20.

⁶ Это словообраз одного из создателей русского предромантизма – М.Н.Муравьева.